

Миссіонерскія извѣстія по Ставропольской епархіи.

Еженедѣльный листокъ.

Приложеніе къ Ставропольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ
№ 6-й. 16-го апрѣля 1917 года.

Неумѣлая защита.

Врачу, исцѣлися самъ.

Въ статьѣ „Нашимъ общественнымъ дѣятель“ авторъ ея свѣщ. К. Румянцевъ высказываетъ упреки „Миссіонерскимъ извѣстіямъ“ по поводу статьи свѣщ. І. Кондратова „Размышленія пастыря“, редакціонной статьи „Благое начинаніе“ и извлеченія изъ статьи г. О—ва (Мисс. Обзор. № 9—10, за 1911 г.), напечатаннаго подъ заглавіемъ—„Изъ періодической печати“. Особенно недоволенъ о. Румянцевъ послѣдней статьёй, гдѣ авторъ ея, правда, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ о дезорганизованности нашего прихода, противопоставляя ей сплоченность сектантскихъ общинъ, и отрицательныхъ явленій въ жизни духовенства. О. Румянцевъ все это считаетъ ничѣмъ инымъ, какъ только инсинуаціей, бросаніемъ грязи въ духовенство и т. п.

Прежде всего замѣтимъ, что свои упреки о. Румянцевъ направляетъ не по адресу. Какъ и указано, статья эта извлечена изъ журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ и если выдержки изъ нея помѣщены въ „Миссіонерскихъ

Извѣстїхъ“, то это совсѣмъ не значить, что редакція готова подписаться подъ каждой фразой извлеченной статьи. Одна изъ задачъ „Мисс. Изв.“ заключается между прочимъ въ томъ, чтобы ознакомлять духовенство елархіи съ наиболѣе заслуживающими вниманія явленія миссіонерской не практики только, но и литературы. Г. О.—въ въ своей статьѣ коснулся основного вопроса пастырскаго дѣланія, имѣющаго громадное миссіонерское значеніе,— вопроса, который вотъ уже 10 лѣтъ оживленно обсуждается не только въ духовной, но и свѣтской печати,— вопроса о реформѣ прихода въ связи съ миссіонерской практикой. Почему же, спрашивается, не помѣстить на страницахъ „Мисс. Изв.“ извлеченій изъ статьи О—ва, разъ она выясняетъ вопросъ, ранѣе епѣ затронутый въ „Мисс. извѣстїяхъ“? Развѣ для этого непременно требуется полное согласіе во взглядахъ? Для всесторонняго освѣщенія каждаго вопроса полезно ознакомиться съ мнѣніями самыхъ различныхъ направленій, въ противномъ случаѣ односторонность неизбежна. О. Румянцевъ утверждаетъ, что редакція „Мисс. извѣстїй“ раздѣляетъ взгляды г. О—ва на современное состояніе приходскаго духовенства; какъ редакція смотритъ на мнѣнія г. О—ва, объ этомъ чернымъ по бѣлому написано въ томъ же № 5 „Мисс. извѣстїй“, возбудившемъ такое неудовольствіе о. Румянцева: „все указанное авторомъ, конечно, имѣетъ свое отрицательное значеніе, но, думается, авторъ слишкомъ мрачными чертами обрисовалъ дѣятельность православной миссіи, (въ понятіе которой редакція включаетъ и миссію приходскую) и не въ этомъ главная причина того, что часто энергичная дѣятельность миссіонеровъ не въ силахъ искоренить сектантство и остановить его ростъ“ (стр. 18); и далѣе высказывается взглядъ редакціи, подробно развитый нѣсколько ранѣе въ статьѣ „Благое начинаніе“. О. Румянцевъ не различаетъ взглядовъ редакціи и г. О—ва; выражаясь тривиально, все валитъ въ одну кучу и раздражается филиппиками противъ редакціи за мысли, ею не

высказывавшіяся. Правда въ конечныхъ выводахъ редакція сходитя съ г. О вымъ, утверждая, что безъ оживленія приходскаго пастырства одно миссіонерство спеціально назначенныхъ для того лицъ не въ силахъ искоренить сектантство, но въ области логическихъ разсужденій важень вѣдь не только результатъ, но и *методъ*, какимъ онъ достигается. Если о. Румянцевъ читаль статью „Благое начинаніе“, онъ долженъ былъ бы понять, что редакція исходить изъ другихъ совершенно основныхъ положеній, чѣмъ г. О—въ. Въ силу необходимости приходится повторить и здѣсь, какъ редакція смотритъ, на этотъ вопросъ. Объ этомъ напечатано въ томъ же № 5 „Мисс. изв.“ стр. 18 — „въ статьѣ „Благое начинаніе“, говорится здѣсь, была высказана мысль о томъ, что по самому существу дѣятельность спеціальныхъ миссіонеровъ, какъ имѣющая дѣло съ обнаружившимся уже явленіемъ (сектантства), а не съ причиною его, по необходимости слѣдующая за развитіемъ сектантства, никогда не можетъ не допустить этого развитія. Это можетъ сдѣлать только приходская пастырская миссія“. Г. О—въ же главную причину безуспѣшности усилій миссіи парализовать распространеніе сектантства видитъ въ узко-формальной постановкѣ самой православной миссіи и уже отсюда дѣлаетъ выводъ, что различныя миссіонерскія учрежденія не въ состояніи остановить ростъ сектантства, пока не будетъ организованъ и пробужденъ къ жизни православный приходъ, что необходимо предполагаетъ, какъ свою основу, оживленіе приходскаго пастырства. Если и это не убѣждаетъ о. Румянцева въ различіи исходныхъ точекъ зрѣнія редакціи и г. О—ва, то говорить далѣе объ этомъ бесполезно. Разъ человекъ идетъ противъ очевидности, то, конечно, убѣдить его ничѣмъ нельзя, какъ нельзя убѣдить слѣпого въ существованіи свѣта.

Въ пылу полемическаго задора, ничѣмъ впрочемъ не оправдываемаго, о. Румянцевъ обнаруживаетъ даже потуги на остроуміе и съ ироніей замѣчаетъ, что „Мисс.

извѣстія“ съ благого начинанія „размышленій“ о. Кондратова продолжаютъ и до сихъ поръ „размышлять“. Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ умѣстности такого тона, замѣтимъ только, что въ устахъ человѣка, называющаго себя пастыремъ церкви, эта фраза звучитъ по меньшей мѣрѣ странно. О. Кондратовъ коснулся вопроса о внутреннихъ основахъ пастырскаго дѣланія, вопроса,—который долженъ быть предметомъ постоянныхъ—въ теченіе всей жизни—размышленій каждаго пастыря, а о. Румянцевъ удивляется, что нашлись люди, которые размышляютъ объ этомъ. Конечно, бываютъ люди, которые не любятъ размышлять,—вѣдь это вещь далеко не легкая,—а свое поверхностное пустословіе считаютъ за „возвышенныя“ разсужденія, но едвали это можно считать явленіемъ желательнымъ. Если бы пастыри, убоясь ироніи о. Румянцева, отказались отъ всякихъ размышленій о своемъ пастырскомъ долгѣ, то это значило бы просто на просто сложить руки и предоставить волкамъ, хотя бы въ лицѣ сектантовъ, расхищать ихъ духовное стадо. Къ счастью дѣло обстоитъ не такъ. Призывъ о. Кондратова говорить о томъ, что размышляющіе среди пастырей есть; конечно, онъ—не единственное исключеніе, и если о. Кондратовъ—одинъ изъ немногихъ, высказавшихъ свои мысли открыто, то все же можно быть увѣреннымъ, что если не все, то громадное большинство пастырей размышляютъ о своемъ пастырскомъ долгѣ; наоборотъ, печальными исключеніями нужно считать такихъ, которые подобно о. Румянцеву осуждаютъ такіа размышленія.

О. Румянцевъ негодуетъ на г. О—ва за то, что, по его мнѣнію, „приходскіе пастыри въ большинствѣ случаевъ являются лишь требоисправителями, стоятъ въ сторонѣ отъ миссіонерскаго дѣла, считаютъ его не своимъ дѣломъ и думаютъ, что борьбу съ сектантствомъ въ приходѣ должны вести спеціальныя миссіонеры“. Утвержденіе г. О—ва имѣетъ общій характеръ, но о. Румянцевъ полагаетъ, что въ „Мисс. извѣстіяхъ“ оно приведено, какъ

имѣющее какое то особенное отношеніе къ нашей епархіи, и спрашиваетъ: „развѣ мало у насъ въ епархіи приходскихъ священниковъ, посвятившихъ себя дѣлу миссіи, даже вступающихъ въ публичныя пренія съ различнаго рода сектантами“? — Безспорно, есть такіе священники и даже не мало, какъ и во всякой другой епархіи, но все же нужно сознаться, что утвержденіе г. О—ва, говоря вообще, недалеко отъ истины. Такое мнѣніе всегда существовало, существуетъ оно и теперь. Вопросъ о причинахъ этого печальнаго явленія—вопросъ другой; — здѣсь имѣетъ значеніе иногда отсутствіе спеціальной подготовки, главнымъ же образомъ обремененіе приходскихъ священниковъ разнаго рода обязанностями, какъ объ этомъ говоритъ и о. Румянцевъ, и многое другое, но все это вѣдь не мѣняетъ дѣла. Зачѣмъ же, спрашивается, замалчивать подобныя явленія, разъ они имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности? Если мы на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только, стремимся къ обновленію нашей приходской жизни, не слѣдуетъ бояться открыто говорить о ея недостаткахъ. Сознаніе этихъ недостатковъ—первый шагъ на пути къ ихъ устраниенію, а убаюкивать себя мыслью, что у насъ „все благополучно“, при явномъ наличіи надвигающейся опасности, да изыскиватъ всякаго рода извиняющія обстоятельства—не значить ли это играть въ руку врагамъ? Надѣмся, о. Румянцевъ не будетъ отрицать очевидный и всѣмъ извѣстный фактъ роста сектантства, — не у насъ только, а и вездѣ—ужели же приходское пастырство можетъ совершенно отстранить отъ себя упрекъ въ томъ, что нѣкоторая доля вины падаетъ и на него? Вѣдь это дѣйствительно означало бы недостаточно ясное сознаніе имъ своего долга. Но, повторяемъ, къ счастью вѣтъ оснований, чтобы дѣлать такой печальный выводъ; если среди пастырей и могутъ встрѣтиться такіе самонадѣянные, которые подобно о. Румянцеву думаютъ, что имъ не въ чемъ упрекнуть себя, и на каждое указаніе недостатковъ смотрятъ какъ на бросаніе грязи въ духовенство,

то—хочется вѣрить,—большинство пастырей смстрить ая это дѣло иначе. О. Кондратовъ имѣлъ мужество прямо и открыто поставить вопросъ: „не испытываетъ ли духовенство противорѣчія, какое сказывается между тѣмъ, что оно (есть) и чѣмъ должно быть? Много ли найдется такихъ пастырей, которые откровенно и сознательно скажутъ, что они на должной высотѣ своего званія?... Увеличивающееся невѣріе въ интеллигенціи и сектантство въ народѣ не ясны ли показатели того, что „свѣточі“ пастыри мерцаютъ, а не ярко свѣтятъ?“ (Мисс. изв. № 1 стр. 2) Ясно, что это говоритъ человекъ, который не только „размышляетъ“ о своемъ долгѣ, но и мучится недостаточно полнымъ соотвѣтствіемъ современнаго пастырства его идеалу. А если такое настроеніе въ пастыряхъ есть, то это уже вѣрный залогъ ихъ будущаго совершенствованія и къ нимъ нельзя предъявить обвиненія, что они „воздремаша и уснуша, какъ выразился лѣтописецъ о современномъ ему русскомъ духовенствѣ—по поводу обличенія княземъ Василиемъ II митрополита униата. Вотъ почему редакція „Мисс. извѣстій“ и привѣтствовала призывъ о. Кондратова къ обновленію пастырства, какъ именно благое начинаніе. О. Румянцевъ же вмѣсто того, чтобы спокойно и объективно разобраться въ постановленномъ важномъ вопросѣ, видитъ въ немъ какое то оскорбленіе духовенству и къ самымъ размышленіямъ по этому поводу относится съ ироніей (которая впрочемъ заслуживаетъ совѣтъ другого названія, вѣдь умная иронія—дѣло не всѣмъ по плечу).

Но въ статьѣ о. Румянцева есть и лучшіе перлы.

Онъ утверждаетъ, что въ „Мисс. Извѣстіяхъ“ — „воспѣваются диѳирамбы организованности сектантовъ, ихъ силъ и стремленіями къ осуществленію въ жизни евангельскихъ началъ, и подъ этими диѳирамбами съ удовольствіемъ подписались бы г. г. Фретлеръ, Прохановъ и др.“

Воображеніе о. Румянцева разыгралось до того, что въ воспроизведенной на страницахъ „Мисс. Извѣстій“

статьѣ г. О-ва онъ находитъ даже „*восхваленіе жизни и праведности сектантовъ.*“ Что это? Непониманіе или намѣренное искаженіе? Не знаешь, чему дивиться: развязности ли, съ какой о. Румянцевъ оперируетъ чужими мыслями, или беззаастѣнчивости, съ какой онъ передаетъ гласности результаты своихъ операцій. Указанія г. О-ва на нѣкоторыя отрицательныя стороны въ дѣятельности прихольскаго духовенства о. Румянцевъ назвалъ инсинуаціей, — но кажется, это — настоящее названіе именно для того, что позволяетъ себѣ о. Румянцевъ, и къ нему въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе примѣнимо изреченіе — „врачу, исцѣлися самъ!“

Г. О-въ въ своей статьѣ отмѣчаетъ сплоченность, организованности и силу сектантскихъ общинъ, члены которыхъ находятся въ постоянной живой органической связи. „Широко развитая благотворительность, взаимная нравственная и матеріальная поддержка, ревность о вѣрѣ характеризуютъ баптистскія общины“. Въ этомъ г. О-въ видитъ причину того, почему сектантство, стоящее въ постоянномъ соприкосновеніи съ дезорганизованнымъ православнымъ приходомъ, находитъ въ немъ благопріятную почву для своей пропаганды. Ясно, что г. О-въ далекъ отъ мысли „воспѣвать диѳирамбы“ сектантской общинѣ, онъ просто констатируетъ всеѣмъ извѣстный фактъ и дѣлаетъ отсюда свои выводы. О. Румянцевъ же и въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ необъяснимую странность идти противъ очевидныхъ фактовъ: кто, хоть сколько нибудь знакомый съ сектантствомъ, будетъ отрицать указанныя г. О-вымъ особенности баптистскихъ общинъ? Всеѣмъ извѣстно, что организованность и сплоченность этихъ общинъ такова, что имъ можно только позавидовать — и въ этомъ сила баптистовъ. У нихъ часто устраиваются съѣзды, конгрессы, на которыхъ обсуждаются принципиальные вопросы, опредѣляются извѣстныя нормы сектантской жизни и ученія.

Управленіе отдѣльными общинами сосредоточивается въ центральныхъ (заграничныхъ) учрежденіяхъ, откуда ис-

ходить общіе обязательныя для всѣхъ директивы и т. п. Можно оспаривать внутреннюю цѣнность сплоченности сектантовъ, т. е. является—ли она результатомъ стремленія баптистовъ осуществлять въ своей жизни евангельскія начала, или эта сплоченность имѣетъ лишь внѣшній характеръ и преслѣдуетъ какія либо стороннія цѣли, напр. завлеченіе православныхъ; можетъ быть это обманъ, лицемеріе, какъ дѣйствительно часто и оказывается, но фактъ тѣмъ не менѣе остается фактомъ и съ нимъ нужно считаться.

Говоря о немъ, г. О-въ имѣетъ цѣлью совсѣмъ не восхваленіе баптизма, а *указаніе на опасность*, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ организованнѣе внѣшняя сторона жизни баптизма. Если о. Румянцевъ не уразумѣлъ этого, то это—уже не вина г. О-ва. Было бы малодушіемъ преуменьшать опасность, недооцѣнивать силы противника и успокаивать себя, что стоитъ только сдѣлать энергичный приступъ позиціи врага,—и она сдастся. Для о. Румянцева— „на Шипкѣ все спокойно“. Опасно не откровенное признаніе силъ противника, что дѣлаетъ г. О-въ, опасенъ оптимизмъ о. Румянцева, для котораго у враговъ православія все дурно, все слабо, не исключая внѣшней организаціи. Ясно сознавая въ полномъ объемѣ опасность уже не такъ страшна—страшно, когда люди, обманывая себя, обманываютъ и другихъ, представляя изъ разныхъ практическихъ побужденій бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ. Не тотъ достоинъ порицанія, кто прямо смотритъ въ глаза опасности и, указывая на нее, требуетъ принятія соотвѣтствующихъ мѣръ, а тотъ, кто упрямо закрываетъ глаза на опасность и старается всѣхъ увѣрить, что ея не существуетъ. А что же дѣлаетъ о. Румянцевъ, какъ не это послѣднее? Извѣстно-ли ему, напр., что въ Америкѣ открывается баптистская академія съ широко поставленнымъ книгоиздательствомъ, которое намѣрено *наводнить* Россію листками и брошюрами сектантскаго содержанія? О. Румянцевъ, вѣроятно, усумнится и въ этомъ, какъ со-

миѣвается онъ въ организованности баптистскихъ общинъ, и очнется лишь тогда, когда въ каждомъ православномъ домѣ его прихода окажется по сектантской брешюрѣ.

Что касается утвержденія о. Румянцева, что въ статьѣ г. О—ва, перепечатано въ „Мисс. Изв.“, содержится восхваленіе „жизни и праведности баптистовъ, то въ немъ звучитъ нѣчто такое, о чемъ неудобно даже говорить по отношенію къ лицу, посвященному священнѣйшему сану. Насколько основательно это обвиненіе о. Румянцева, достаточно сказать, что даже самого слова „праведность“ не содержится въ статьѣ г. О—ва. *Подмѣнять—указаніе на организованность и сплоченность баптизма помятымъ восхваленіемъ жизни и праведности сектантовъ*—это на литературномъ языкѣ называется весьма неслестнымъ для о. Румянцева словомъ. Еще шагъ—и о. Румянцевъ, пожалуй, сталъ бы обвинять г. О—ва въ сочувствіи баптизму. Считаю даже лишнимъ распространяться по поводу этой подтасовки понятій, свидѣтельствующей о слабости развитія у автора литературной честности. О. Румянцевъ вездѣ подозрѣваетъ дурныя намѣренія, —признакъ очень нехорошій: человекъ, видяшій въ другихъ одно лишь дурное, очевидно носить его въ себѣ.

Не будемъ говорить о взглядахъ автора по вопросу о возрожденіи пастырства прихода, это выходитъ за рамки, поставленныя для „Мисс. Извѣстій“, —пусть сами пастыри подадутъ свой голосъ по этому вопросу,—замѣтимъ только, что эти взгляды поверхностны. Какая разница съ о. Кондратовымъ! Тотъ—пастырь еще молодой, недавно сошедшій со школьной скамьи, видимо не угасилъ еще въ себѣ духа: онъ занятъ вопросомъ о внутренней сущности пастырскаго служенія; онъ мучается вопросомъ о причинахъ видимаго несоотвѣтствія пастырской дѣятельности съ ея идеаломъ,—а мысль о. Румянцева скользитъ лишь по поверхности, его вниманіе привлекаютъ лишь частности—законоучительство въ школахъ или еще лучше участіе духовенства въ коопераціяхъ, денежные сборы въ

храмахъ и т. п. Какъ на образецъ разсужденій о. Румянцева можно указать на то, что они взаимную нравственную поддержку членовъ православнаго прихода, по нашему мнѣнію составляющую основу ихъ взаимоотношеній, безъ поддержки матеріальной считаетъ и мѣдью звеняшей и кимваломъ звяцающимъ“; „высота духа для о. Румянцева становится понятной только въ гармоническомъ единеній *съ матеріей*“ (?!), а возрожденіе пастырства (?) о. Румянцевъ рекомендуетъ начать съ разрѣшенія вопроса о назначеніи церковныхъ доходовъ. Представляемъ читателямъ судить о степени глубокомыслія о. Румянцева. Ужъ подлинно, выражаясь словами о. Румянцева, онъ взобрался на такую недосягаемую „высоту“ (?), что его опасеніе при паденіи оттуда „получить себѣ увѣчье“—не лишено серьезныхъ основаній. Указанія г. О—ва на недочеты въ дѣятельности приходскаго пастырства возбуждаютъ въ о. Румянцевѣ сильное (нужно, впрочемъ, думать, что дѣланное) негодованіе и онъ беретъ духовенство подъ свою защиту отъ мнимыхъ оскорбленій, но эта защита ведется такъ, что невольно напоминаетъ слова Теофана Прокоповича, который говоритъ, что въ его время нѣкоторые лица взяли на себя задачу защищать уничтоженное патріаршество, но похвалы патріаршеству писались такъ „скудно и студено, что сами патріархи, будь они живы, въ награжденіе такой похвалы осудили бы тѣхъ писателей на плети и шелепы“.

Редакція „Миссіонерскихъ извѣстій“ не склонна вести полемику, если она не служитъ цѣлямъ выясненія поставленныхъ вопросовъ, такъ какъ такая полемика является совершенно безцѣльной, но въ данномъ случаѣ редакція была вынуждена тѣмъ, что о. Румянцевъ въ своей статьѣ переходитъ всѣ границы дозволеннаго и игнорируетъ самыя элементарныя требованія литературной добросовѣстности. Впрочемъ, и выпады о. Румянцева по адресу „Миссіонерскихъ извѣстій“ не прошли безъ пользы, послуживъ поводомъ для редакціи высказать еще нѣсколько

мыслей о значеніи приходскаго чаетырства; всякій вопросъ можетъ быть выясняемъ путемъ положительнымъ и отрицательнымъ,—статья о. Руминцева и послужила такимъ отрицательнымъ средствомъ.

Бесѣда книгоноши съ сектантомъ.

Распространяя православно-миссіонерскій календарь, „Другъ Вѣры“, я часто приходилъ въ село Сотниковское Ставр. губ., на базарь. Ко мнѣ каждый разъ являлся мѣстный балтистъ Косьма Дудка и всегда заискивающе начиналъ мнѣ прислуживать.—„Это миссіонерскіе,“—„Это хорошіе календари,“ „чего боитесь переплатить лишній пятакъ,“—такъ говорилъ онъ подходящимъ ко мнѣ покупателямъ. Отойдя отъ меня, Дудка начиналъ смѣяться надъ моими календарями; но это ему не мѣшало снова возвращаться ко мнѣ и хвалить мои календари.

Въ первое изъ такихъ посѣщеній Дудка полагалъ, что я его не знаю,—отрекомендовалъ себя, какъ „гонителя поповъ“, отъ которыхъ имъ приходится прятаться, „какъ воробьямъ отъ ястреба“. Въ задорномъ выраженіи лица Дудки видно было, что вся увѣренность его исходила не отъ внутренняго сознанія, а отъ утраты въ сердцѣ святости. Мало по малу я началъ привыкать къ его прислуживанію и задумалъ съ нимъ провести бесѣду о какомъ либо предметѣ. Дудка приглашалъ къ себѣ, но, считая бесѣду въ его домѣ напрасной тратой времени, я предложилъ бесѣдовать въ домѣ священника О. Александра Цвѣтикова. Дудка согласился; условились бесѣдовать о ходатайствѣ святыхъ.

Зайдя къ о. Александру, я объявилъ ему объ условленной съ Дудкой бесѣдѣ. Отецъ Александръ охотно согласился дать мѣсто въ своемъ домѣ для бесѣды, и написалъ Дудкѣ приглашительную записку.

Черезъ пятнадцать минутъ Дудка уже былъ въ домѣ о. Александра. Кромѣ его въ домъ вошли еще три лица. Одинъ изъ вошедшихъ съ Дудкой былъ баптистъ Дьячковъ, а остальные православные.

Взявши благословеніе у о. Александра, я прочелъ молитву „Царю небесный“. По окончаніи мною молитвы, сталъ молиться и Косьма своею молитвой: „Возлюбленный Господи... Ты далъ намъ Духъ, пошли мнѣ и нынѣ Его, чтобы я могъ возвѣщать волю Твою. Аминь.“ „Аминь“,—повторилъ и Дьячковъ.

Осѣнивши себя крестнымъ знаменіемъ и произнесши краткую молитву:—„Господи благослови,“ я началъ приблизительно такъ: Слово Божіе требуетъ отъ насъ, чтобы мы, прославляя Бога, и служа Ему, какъ Владыкѣ и Творцу, вмѣстѣ съ симъ прославляла и ублажала и Его св. угодниковъ и обращались къ нимъ съ своею молитвой о ходатайствѣ ихъ за насъ предъ Богомъ.

Святые суть ближайшіе исполнители воли Божіей; посему-то они отъ Него Самого наименованы „друзьями Его“, (Іоан. 15 14). Они отъ Христа приняли славу, которую Онъ принялъ отъ Отца: (Іоан. 17 гл. 22). Этой славѣ стали причастны и Его святые. Проникшись этой славой, они, естественно, не могутъ уже дѣлать того, что противорѣчило-бы славѣ Христа. Съ другой стороны, святые, какъ достигшіе полнаго возраста Христова, въ любви своей не могутъ оставаться мертвыми и безучастными по отношенію къ своимъ собратіямъ, такъ какъ любовь есть высшее достоинство достигшихъ совершенства людей. Такимъ образомъ по отношенію къ живущимъ на землѣ святые могутъ эту любовь выразить только въ ходатайствѣ за нихъ предъ Богомъ. Въ свою очередь не могутъ и живущіе на землѣ не отвѣчать взаимно на таковую любовь отшедшихъ праведниковъ, такъ какъ это значило-бы не имѣть взаимообщенія со старшими сочленами Церкви Христовой. Со стороны живущихъ на землѣ и можно отозваться этой любви праведниковъ толь-

ко ублаженіемъ ихъ, какъ друзей Божіихъ, раздѣляющихъ славу Его, и призываніемъ къ молитвенному ходатайству предъ Богомъ. Другого рода взаимообщенія между нами и ими не можетъ быть: Таково взаимообщеніе предполагается самымъ понятіемъ Церкви Христовой.

Въ церкви все должны составлять „едино“. Соединяющимъ средствомъ является никогда не прекращающаяся любовь. Уклонившіеся отъ единства вѣры люди думаютъ, что такое наше почитаніе святыхъ отнимаетъ у Бога славу, такъ какъ такое почитаніе ихъ мы яко бы отличаемъ отъ почитанія и прославленія Бога, но это грубая ихъ ошибка. Прославляя святыхъ угодниковъ, мы прославляемъ Бога, оправдавшаго ихъ. Если мы благоговѣемъ предъ Богомъ, то будемъ благоговѣть и предъ тѣми, кого Онъ прославилъ. Пали св. апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ на Ѡаворѣ предъ Христомъ, пали они предъ Моисеемъ и Иліею; облако, покрывшее Христа, покрыло Моисея и Ілію. Посему слава святыхъ своимъ источникомъ имѣемъ славу Божію. Эта, истина такъ ясна, что не нуждается въ подтвержденніи Слова Божія, ибо „сама природа учитъ,“ что нѣтъ ни одного человѣка, который-бы принялъ себѣ честь отъ того, кто унижалъ-бы его друга или даже слугу. И слово Божіе учитъ сему-же. Да еще такъ громко, что закрывать отъ сего глаза значилобы намѣренно противиться Богу. Скажи отъ чистаго сердца, Козьма, на какомъ основаніи вы баптисты не хотите почитать св. угодниковъ Божіихъ и признавать ихъ своими ходатаями предъ Богомъ?

Козьма: это вы отъ евангелія говорили? Вотъ евангеліе, найдите, гдѣ написано то, что вы все время говорили?

Раскрываю и читаю: „Мы ублажаемъ тѣхъ, которые терпѣли“: (Іан.5—11). О чемъ же это, говорю, свидѣтельствуешь, какъ не о томъ, что я доказывалъ? Другія мѣста покажутъ, въ чемъ собственно состоитъ это ублаженіе.

Кузьма обратно хватяетъ изъ рукъ у меня евангеліе и говоритъ: „А я вамъ вотъ что прочитаю!“ Читаетъ: Дѣ-

ти мои! Сіе пишу я вамъ, чтобы вы не согрѣшали, а еслибы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ Іисуса Христа праведника“. (1 Іоан. 2—1). Вотъ къ кому мы должны обращаться, а не къ Пантелеймону, или къ другому тамъ кому еще.

Я: Козьма, кто сказалъ приведенныя тобою слова?“

Козьма: Кто-же? самъ апостоль Іоаннь Богословъ, не другой кто“.

Я: „какое-же ты значеніе придаешь симъ словамъ апостола? То ли, что другого уже ходатая кромѣ Христа не должно быть, такъ что-ли“?

Козьма: „Да, именно это. Самъ апостоль такъ говорить“.

Я: „Тогда скажи, Козьма, какъ могъ тотъ самый апостоль поклониться Ангелу и не одинъ разъ, а два, какъ свидѣтельствуеть книга Откровенія того-же Апостола“?

Козьма: „Ангель ему сказалъ: „Не кланяйся мнѣ, Богу поклонись“.

Я: „Значить, по твоему, Іоаннь согрѣшилъ?“

Козьма: „Нѣтъ, Ангель сказалъ такъ.“

Я: „А вѣдь Апостоль и въ другой разъ Ангелу поклонился. Какъ же теперь надо понимать слова Ангела и дѣйствіе апостола, на котораго ты сейчасъ ссылаешься?“—Затрудняясь отвѣтить, Козьма махнулъ рукой. „Ну, это пусть... сказалъ онъ. „А гдѣ написано, чтобы Апостолы обращались къ умершимъ“?

Я: „Въ свое время укажу. Но сейчасъ еще не окончень вопросъ объ „одномъ ходатаѣ“. Ты говоришь, что другого ходатая, кромѣ Христа, быть не должно. А вотъ прочти: „И Духъ Святой ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными“. (Рим. 8. 26.)

Козьма: „Это Духъ Христа; кто Духа Христова не имѣеть, тотъ и не Его“, говорится въ словѣ Божіемъ. Христось есть Духъ... это одно; что вы не понимаете что-ли“?

Я: „А Богъ Отецъ одно“?

Козьма: „Да, и Богъ Отецъ одно“. — Вошедшій съ Дудкой Дьяковъ, видя, что Козьмѣ приходится опять остановиться, посвѣшилъ на помощь ему и началъ доказывать тѣми-же словами отстаиваемое Козьмой положеніе: „Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ, что Отецъ, Сынъ и святой Духъ одно“? Но это не прибавило ничего къ тому, что показалъ Козьма, и положеніе Козьмы оставалось тѣми-же. Но выступленіе Дьякова на помощь Козьмѣ дало право вмѣшаться въ бесѣду и о. Александру. О. А. сказалъ: „Вы признаете Духа Святаго какъ отдѣльное лицо“?

Они: „Да, признаемъ.“

О. Алек.: „Какъ-же вы сливаете обоихъ ходатаевъ въ одного ходатая“?

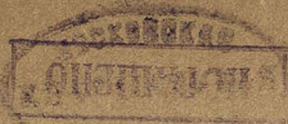
Они: Недоумѣвая и разсѣянно—говорять: „Богъ одинъ“?..

О. Ал.: „Если такъ, то предъ кѣмъ-же Христосъ ходатайствуетъ“?

Баптисты оказались въ затрудненіи и, вмѣсто отвѣта, поднялись со своихъ мѣстъ, не находя выхода изъ своего положенія.

Я: „Видите, уже это одно мѣсто поставило васъ въ затрудненіе, но вѣдь найдутся такія наименованія и въ отношеніи святыхъ, тогда ваше положеніе ухудшится. Значить, неправильно вы понимаете слова „Одинъ ходатай“. И я вамъ скажу, что вы эти слова намѣренно калѣчите. Въ 15 гл. Откр. 14 ст. Мы видимъ такое выраженіе, по отношенію къ святости Бога: „Ибо Ты единъ святъ“. Но что же, согласились-ли вы принять его въ буквальномъ смыслѣ? Нѣтъ! Баптисты и себя уже назвали святыми, и не считаютъ это нарушеніемъ сихъ словъ.“

Козьма: „Богъ сказалъ: „будьте ^и святы, потому что Я святъ“.

Я: „Вот то-то и есть, Козьма, что слова: „единъ святы“ ты воспѣшилъ объяснить другими словами св. писанія; почему слова „одинъ ходатай“ не хочешь тѣмъ же способомъ объяснить? Христосъ точно: „Одинъ ходатай“, не требующій за Себя ходатайства. ходатай, „не съ кровью козловъ“, какъ ветхозавѣтные ходатаи, а „Своею Кровію“. „И Духъ Святой ходатайству етъ“ Онъ усваиваетъ ради крестныхъ заслугъ Госнеда, Иисуса Христа искупленіе намъ Сына Божія. Святые же являются ходатаями не въ смыслѣ равенства ходатайства ихъ съ ходатайствомъ Христа, а напротивъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ для нихъ является такимъ сильнымъ ходатаемъ, который силенъ дѣйствовать и въ тѣхъ, кому Онъ поручаетъ ходатайствовать. Можно выразиться такъ: „Одинъ ходатай, имѣющій право дать отъ этого ходатайства и другимъ. Слѣдовательно наше пониманіе словъ: „Одинъ ходатай“ не унижаетъ Христа. Тогда, какъ ваше, не идущее дальше буквы, только унижаетъ Его, такъ какъ буквальное выраженіе, „Ходатай“ будетъ значить не равнаго тому, предъ кѣмъ Онъ ходатайствуетъ, а меньшаго. А это жестокая будетъ ересь.

Козьма какъ бы не слыша всего этого, „А гдѣ написано, чтобы, къ умершимъ нужно было обращаться? И слышать ли они?“ Я и теперь еще не исчерпалъ вопросъ объ „одномъ ходатаѣ“. А мнѣ его непременно нужно довести до конца, потому что у васъ все отрицаніе святыхъ построено на той мысли, что кромѣ Христа, нѣтъ другихъ ходатаевъ. И такъ: нѣтъ-ли еще и кромѣ сихъ другихъ ходатаевъ?

(Окончаніе будетъ).

Содержаніе: 1) Неумѣлая защита. 2) Бесѣда книгоноши съ сектантомъ.

СТАВРОПОЛЬ-ГУБЕРНСКІЙ.

Типографія Т. М. Тимофеева, уг. ул. Льва Толстого и Александровск.